Хасянов О. Р. Социально-демографическая характеристика Ульяновской области во второй половине 1940-х годов : постановка проблемы в отечественной исторической науке / О. Р. Хасянов // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 338—349. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-338-349.

Khasyanov, O. R. (2019). Social and Demographic Characteristic of Ulyanovsk Region at the Second Half of 1940-ies: Problem Statement in Domestic Historical Science. *Nauchnyi dialog, 2:* 338-349. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-338-349. (In Russ.).

УДК 314.148(470.42)“194”
DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-338-349

Социально-демографическая характеристика Ульяновской области во второй половине 1940-х годов: постановка проблемы в отечественной исторической науке[1]

© **Хасянов Олег Ренатович (2019),** orcid.org/0000-0003-2839-645X, Scopus Author ID 57190414224, SPIN-code 2512-3340, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и экономической теории, федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Ульяновский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина» (Ульяновск, Россия), oleg-has@yandex.ru.

Рассматриваются различные теоретические и концептуальные подходы, позволяющие реконструировать демографические процессы в послевоенной Ульяновской области. Автор полагает, что в современной историографии отсутствуют данные о демографических итогах Великой Отечественной войны, а также последствиях, которые были вызваны военной агрессией. Утверждается, что динамика демографических процессов в послевоенной Ульяновской области определялась не только прямыми военными последствиями, но и общецивилизационными тенденциями. Указывается, в частности, на то, что изменения в социальном пространстве, вызванные модернизацией, трансформировали шкалу ценностей советского человека, изменили его мироощущение, мировоззрение, семейные традиции. Показано, что демографический переход, который завершился в СССР, ознаменовался не только ростом продолжительности жизни, но и снижением рождаемости, что не позволило в полной мере компенсировать демографические потери советского народа. Автор полагает, что объективный анализ демографических процессов в послевоенной Ульяновской области возможен лишь в рамках комплексного подхода, а именно с использованием теоретических установок сторонников и оппонентов тео-

1 Исследование осуществлено в рамках гранта РФФИ и правительства Ульяновской области. Грант № 18-49-730008 р_а.

рии «демографического перехода». Отмечается, что в данный исторический период демографические процессы зависели и от государственной социальной политики.

Ключевые слова: демография; демографические последствия Великой Отечественной войны; рождаемость; смертность; советская модернизация; демографический переход; социальные ценности; государственная социальная политика и демография.

1. Введение

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для российского народа. На алтарь Победы были положены жизни миллионов граждан, тем самым был подорван демографический потенциал нации. Прямые военные потери и высокая смертность в тыловых регионах, вызванная острым дефицитом продовольствия и жизненно необходимых товаров, стали причинами демографического кризиса, отчетливо проявившегося в России на закате советской истории.

В современных условиях социокультурного развития актуальной становится задача исследования демографических последствий Великой Отечественной войны не только в масштабах всего советского государства, но и в региональном измерении. Данная необходимость определяется тем, что практически отсутствуют достоверные сведения о потерях гражданского населения в тыловых областях, а также о влиянии фронтовых потерь на динамику населения данных регионов, то есть о демографическом уроне, нанесенном нацистской агрессией на территориях, напрямую не пострадавших от военных операций.

2. Великая Отечественная война: почему отсутствую точные демографические итоги?

Отсутствие достоверных сведений о потерях населения в годы войны от различных причин (прямые военные потери, голод, болезни и т. д.) в большей степени связано с позицией Сталина, не давшего по окончании войны разрешения на проведение всесоюзной переписи населения, даже в упрощенном варианте. Большинство исследователей полагают, что данными действиями советское правительство пыталось скрыть от общества страшную цену Победы. Как считает А. Г. Вишневский, отказ от проведения переписи населения по завершении войны привел к безвозвратной утрате важной информации о ее демографических итогах [Вишневский, 2016, с. 10]. Восстановление потерянной информации, по его мнению, возможно через анализ материалов всесоюзных переписей населения 1959 и 1970-х годов.

Необходимо отметить, что демографические последствия войны проявляются не только в безвозвратных людских потерях, которые стали ос-

новной причиной, вызвавшей диспропорцию не только в половозрастной структуре послевоенного советского общества, но и в снижении рождаемости и высокой смертности в военные годы в оккупированных и тыловых регионах. Впоследствии данные процессы также отразятся на численности населения: нерожденные поколения будут эхом отдаваться в последующих демографических циклах сокращением активного трудоспособного населения.

Великая Отечественная война изменила гендерный баланс советского общества. Так, в 1946 году в РСФСР женщины составляли 57 % населения, даже процесс демобилизации, который завершился в 1948 году, не изменил это соотношение. Численность женщин в половозрастной структуре сократилась лишь на 0,2 % и составила 56,8 % [Репинецкий, 2005, с. 283].

3. Демографические процессы и советский модернизационный проект

Актуальность исследования исторических условий демографического развития России в современном научном дискурсе, по мнению Е. Ю. Баранова, определяется тем, что «изучение истории населения регионов должно помочь более точно определить, какой урон социальные катаклизмы нанесли демографическому потенциалу страны в XX веке» [Баранов, 2017, с. 63]. При этом, анализируя демографические последствия Великой Отечественной войны, невозможно игнорировать и иные факторы, оказавшие влияние на процессы рождаемости, смертности, брачности и детности в послевоенном советском обществе.

Для понимания изменений в тенденциях воспроизводства населения и самой шкалы ценностей советского человека важным является анализ влияния модернизационных процессов на жизненное пространство социальных субъектов. В широком понимании модернизация — это переход от традиционного общества к обществу индустриальному, современному; от традиции к модерну. Советская модернизация была осуществлена сталинским режимом через форсированную индустриализацию и насильственную коллективизацию сельского хозяйства. Процесс индустриализации не только затронул производственную сферу и бытовое пространство индивида, но и изменил его мироощущение, мировоззренческие установки и ценностные ориентиры. В результате традиционалистские и коллективистские ценностные установки подверглись эрозии и были вытеснены утилитарно-практическими потребностями, даже несмотря на то, что советская социальная инженерия предусматривала создание особой социальной группы граждан, всецело поддерживающей принципы государ-

ственной идеологии и воспроизводящей ценности социалистического дискурса [Дамье, 2013, с. 210; Козлова, 2005, с. 175].

Модернизационные сдвиги, которые стали следствием индустриализации и коллективизации в СССР, породили изменения в демографическом балансе поколений. Это было, с одной стороны, вызвано эрозией традиционных ценностных установок, а с другой — технологические новации привели к значительному улучшению функционирования сети социальных учреждений, в частности института здравоохранения, способствовали распространению и пропаганде средств контрацепции. Таким образом, в условиях модернизации изменяется сама демографическая структура населения: высокая рождаемость и смертность сменяются низкой, при этом увеличивается средняя продолжительность жизни. По мнению С. В. Захарова, именно демографический переход, выразившийся в катастрофическом снижении рождаемости, составляет основу «современного демографического вызова», стоящего перед экономически развитыми странами [Захаров, 2002].

Первый демографический транзит в отечественной истории, во многом определенный советским модернизационным проектом, завершился в СССР уже в середине 1960-х годов утверждением в социальной структуре общества господства малодетных семей, воспитывающих преимущественно по два ребенка.

Влияние советской модернизации на семейно-брачные отношения, а следовательно, и на динамику воспроизводства населения стало отчетливо проявляться уже в первые годы сталинских пятилеток. Как отмечает Е. И. Иванова, за эти годы полностью были разрушены основы традиционной семьи, изменилось отношение общества к разводам, количество которых увеличилось в 68 раз. В результате в стране «стала быстро снижаться рождаемость, возросло число искусственных абортов, беспризорность детей приобрела невиданные размеры» [Иванова, 2002]. Эрозия семейных ценностей затронула не только городское, но и сельское население. Насильственный слом традиционной сельской культуры и массированная антирелигиозная пропаганда побуждали молодежь активно следовать принципам «революционной морали», насаждаемой государственными институтами. По наблюдениям американской исследовательницы Ш. Фицпатрик, на селе именно молодые девушки становились проводниками социалистических идей, бросали вызов вековым традиционным нормам, двигаясь в русле феминизации, а мужчины чаще всего покидали семьи [Фицпатрик, 2001, с. 134]. Довольно часто сельские мужчины, пытаясь освободиться от государственной кабалы, в поисках средств финансового

обеспечения своих семей уезжали в города и трудоустраивались на промышленных объектах, но свои семьи перевозить в город не спешили. Там они обзаводились уже новыми семьями.

Осознавая пагубные последствия либерализации брачных отношений, в частности рост количества добрачных половых связей, заканчивавшихся нежелательной беременностью и в большинстве случаев прерыванием этой беременности, вынудило государство еще в 1936 году принять специальное постановление СНК о запрете абортов в СССР. Но данный запрет повлиял незначительно на количество искусственно прерываемых беременностей. По подсчетам В. А. Исупова, в 1937 году было учтено 568 тыс. абортов, в 1939 — 723 тыс., а в 1940 — уже 803 тыс. [Исупов, 2000, с. 132]. Юридический запрет породил систему нелегальных абортов и самоабортов [Сакевич, 2005]. В годы Великой Отечественной войны количество зафиксированных абортов снижается, но в послевоенное время, особенно после завершения демобилизации, происходит резкое увеличение количества искусственных прерываний беременности. В 1948 году в сравнении с 1939 годом на территории РСФСР количество совершенных абортов увеличилось более чем на 153 % [Садвокасова, 1969, с. 116]. Особенно высокими темпами роста в этом отношении отличалось село. Таким образом, важным для понимания вопроса численного воспроизводства населения Ульяновской области в послевоенное время становится выявление роли абортов как средства регулирования численности населения региона.

4. «Демографический переход» и воспроизводство населения

В рамках теории «демографического перехода» авторы коллективной монографии «Демографическая модернизация России, 1900—2000» разработали концепцию демографического развития России по общецивилизационному сценарию. Особенностью российской демографической модернизации стал консервативный характер ее граждан [Демографическая модернизация …, 2006, с. 11]. Технические нововведения сопровождались консервированием «многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства» жизни общества [Там же], что должно было привести к значительному росту народонаселения. Но, по мнению авторов, Россия в силу различных экзогенных факторов в XX столетии не смогла накопить «демографический запас» и к концу века не досчитала около 113 млн своих граждан [Демографическая модернизация…, 2006]. Прерывистый характер демографического перехода в России, по мнению В. Б. Жиромской, был вызван комплексом негативных социальных факторов. Возникающие демографические кризисы, в ее понимании, являются

не проявлением закономерностей демографического перехода, а аномалиями, вызванными демографической модернизацией [Жиромская, 2012, с. 11—12].

Демографический переход, осуществленный в советской России, по мнению О. М. Вербицкой, в 1929—1930-е годы, способствовал трансформации традиционной патриархальной сельской семьи в современную нуклеарную и малодетную [Вербицкая, 2009]. Важнейшим фактором данных изменений стало усиление в стране урбанистических процессов, вызвавших отток сельского населения, особенно молодежи, в города. Несмотря на осуществляемый модернизационный демографический переход, сельская семья на данном этапе продолжала выполнять свою репродуктивную функцию, и более 50 % семей колхозников были многодетными [Хасянов, 2019, с. 128]. Уже к концу 1950-х годов в РСФСР наблюдается процесс снижения уровня рождаемости, и, по мнению Н. А. Араловеца, это стало следствием установления в городской культуре ценности малочисленных и малодетных семей [Араловец, 2009, с. 276].

В отечественной науке с критикой «естественной заданности» развития народонаселения страны выступает исследователь В. М. Симчера [Симчера, 2006]. По его мнению, динамика численности населения определяется реальной социально-экономической политикой государства, а не заданными историческими основаниями. Эффективная государственная управленческая политика находит свое отражение в положительной динамике численности населения, в росте рождаемости и увеличении продолжительности жизни. Его концепция в региональном измерении обладает эвристическим потенциалом, так как дает возможность проведения сравнительного анализа демографических процессов в Ульяновской области в различные исторические эпохи. Относительно нашего исследования основные теоретические положения концепции Симчеры мы можем использовать для анализа влияния государственной социальной и демографической политики позднего сталинизма и хрущевской оттепели. На основе полученных результатов можно увидеть, как социальная политика государства влияла на брачность, рождаемость и смертность населения региона. При этом слабость предложенного подхода заключается в том, что основные демографические и миграционные процессы периода послевоенного сталинизма находились в прямой зависимости от социокультурных последствий Великой Отечественной войны. Отложенная брачность, узость самого брачного рынка в военные годы вынуждала многих откладывать момент вступления в брак и рождение детей на более поздний срок, а именно до Победы. В результате уже с 1945 года в Ульяновской области

растет количество зарегистрированных браков, при этом снижается средний возраст женщин вступающих в первый брак [ГАУО, ф. р. 2595, оп. 2, д. 3374, л. 30 об.].

5. Государственная социальная политика и реалии жизни в послевоенном советском обществе

Прямым следствием войны стала дестабилизация института брака. Особенно остро это проявилось в колхозной деревне. По подсчетам О. М. Вербицкой, за короткий исторический период, с 1926 по 1959 годы, брачность сельской женщины снизилась на 24 %, то есть последствия войны обрекли многих сельских женщин на безбрачность. Необходимо отметить, что в послевоенный период увеличивается количество молодых вдов, которые в условиях напряженности на брачном рынке были обречены доживать свой век в одиночестве [Вербицкая, 2010, с. 343].

Важным для понимания характеристик процесса рождаемости в послевоенном советском обществе является анализ государственной политики по поддержке материнства и детства. Стремительное снижение показателей рождаемости при огромных людских потерях вынудило советское правительство уже в военные годы принять ряд мер, направленных на стимулирование рождаемости и улучшение социального благополучия многодетных семей. Так, 8 июля 1944 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”». Государство обозначило ряд основных прерогатив своей социальной политики. Во-первых, Указ зафиксировал изменение государства к браку: отныне только официально зарегистрированные в органах ЗАГС браки порождали права и обязанности супругов, а фактические брачные отношения не имели никакой юридической силы. Только зарегистрированный брак давал возможность вдове воина получать пособие на малолетних детей по потере кормильца. Во-вторых, увеличивался срок отпуска по беременности и родам с 66 до 77 дней. В-третьих, для малоимущих граждан предусматривалось снижение платы за посещение детских садов и ясельных групп.

Особым проблемным комплексом советской социальной политики послевоенного двадцатилетия являлась организация системы дошкольных воспитательных учреждений, особенно в сельской местности. Отсутствие детских садов с ясельными группами нередко становилось фактором, сковывающим трудовую деятельность женщины. Как отмечали многие колхозники Ульяновской области в период позднего сталинизма, в кол-

хозе могли трудиться только те женщины, у которых были престарелые родственники, осуществляющие уход и присмотр за младенцами [Материалы интервью…]. Само «сельское начальство» не было заинтересовано в предоставлении беременным колхозницам и молодым матерям льготных условий труда. Для данной категории работников администрация не снижала нормы выработки, не изменяла распорядок дня [ГАУО, ф. р. 2595, оп. 2, д. 3341, л. 2].

В Ульяновской области катастрофически не хватало детских садов. Так, по плану развития сельского хозяйства региона на 1948 год было предусмотрено открытие в 940 сельскохозяйственных артелях сезонных детских садов для посещения 21 000 детей [ГАУО, ф. р. 2595, оп. 2, д. 3392, л. 4]. Но реальность оказалась иной: во время весенне-полевых работ детские сады были организованы только в 103 колхозах. В самый активный цикл уборочной страды их количество было увеличено до 412 [ГАУО, ф. р. 2595, оп. 2, д. 3392, л. 4].

6. Заключение

Таким образом, проведенный анализ научной литературы свидетельствует о важности исследования проблемы демографических итогов и последствий Великой Отечественной войны. Актуальность определяется современным демографическим кризисом, который становится все более очевидным. Выявить демографические последствия войны, а именно тенденции в процессах рождаемости, смертности, продолжительности жизни, миграции населения и в гендерном балансе послевоенного российского общества возможно только в рамках комплексного подхода. Сочетание концептуальных идей сторонников консервативной демографической модернизации, демографического транзита, государственной социально-экономической и культурной политики позволяет реконструировать демографическую картину послевоенного советского общества не только в рамках советского государства, но и в региональных границах. Исследование данной проблемы будет способствовать не только пониманию трагических последствий Великой Отечественной войны, которые проявляются и через десятки лет, но и выработке региональной гражданской идентичности.

Источники и принятые сокращения

1. ГАУО — *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. Р. 2595. Оп. 2. Д. 3374, 3341, 3392, 3395.

2. *Материалы* интервью с жительницей с. Поповка Чердаклинского района Ульяновской области Р. Х. Хасяновой. 14.13.2013 г. // Личный архив автора.

Литература

1. *Араловец Н. А.* Городская семья в России, 1927—1959 гг. / Н. А. Араловец. — Тула : Гриф и К, 2009. — 304 с.

2. *Баранов Е. Ю.* Демографический потенциал России в XX веке : проблемы современной историографии / Е. Ю. Баранов // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум. Том I. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 57—63.

3. *Вербицкая О. М.* Основные закономерности развития сельской семьи в России в XX веке / О. М. Вербицкая // Труды института Российской истории РАН. — 2010. — № 9. — С. 332—353.

4. *Вербицкая О. М.* Российская сельская семья в 1897—1959 гг. (историко-демографический аспект) / О. М. Вербицкая. — Москва ; Тула : Гриф и К, 2009. — 296 с.

5. *Вишневский А. Г.* Демографические последствия Великой Отечественной войны / А. Г. Вишневский // Демографическое обозрение. — 2016. — Том 3. — № 2. — С. 3—42.

6. *Дамье В. В.* Стальной век : Социальная история советского общества / В. В. Дамье. — Москва : Либриком, 2013. — 256 с.

7. *Демографическая* модернизация России, 1900—2000 / под ред. А. Г. Вишневского. — Москва : Новое издательство, 2006. — 608 с.

8. *Жиромская В. Б.* Основные тенденции демографического развития России в XX веке / В. Б. Жиромская. — Москва : Кучково поле ; Союз семей военнослужащих России, 2012. — 320 с.

9. *Захаров С. В.* Рождаемость в России : первый и второй демографический переход [Электронный ресурс] / С. В. Захаров // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России : материалы научной конференции. — Москва, 2002. — Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html.

10. *Иванова Е. И.* Трансформация брачности в России в XX веке : основные этапы [Электронный ресурс] / Е. И. Иванова // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Материалы научной конференции. — Москва, 2002. — Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html.

11. *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : историко-демографические очерки / В. А. Исупов. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. — 242 с.

12. *Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из жизни / Н. Н. Козлова. — Москва : Европа, 2005. — 527 с.

13. *Репинецкий А. И.* Демографическая ситуация в России в годы Великой отечественной войны. 1941—1945 гг. / А. И. Репинецкий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2005. — № 2. — Т. 7.— С. 279—288.

14. *Садвокасова Е. А.* Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи / Е. А. Садвокасова. — Москва : Медицина, 1969. — 192 с.

15. *Сакевич В. И.* Что было после запрета аборта в 1936 году [Электронный ресурс] / В. И. Сакевич // Демоскоп. — 2005. — № 221—222. — Режим доступа : http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/print.php.

16. *Симчера В. М.* Развитие экономики России за 100 лет : 1900—2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы / В. М. Симчера. — Москва : Наука, 2006. — 587 с.

17. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 421 с.

18. *Хасянов О. Р.* Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма : на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей / О. Р. Хасянов. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 359 с.

Social and Demographic Characteristic of Ulyanovsk Region at the Second Half of 1940-ies: Problem Statement in Domestic Historical Science[1]

© Khasyanov Oleg Renatovich (2019), orcid.org/0000-0003-2839-645X, Scopus Author ID 57190414224, SPIN-code 2512-3340, Doctor of History, associate professor, professor of Department of Philosophy, History and Economic Theory, Ulyanovsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Ulyanovsk, Russia), oleg-has@yandex.ru.

Various theoretical and conceptual approaches allowing to reconstruct demographic processes in the post-war Ulyanovsk region are considered. The author believes that in modern historiography there is no data on the demographic results of the Great Patriotic war, as well as the consequences that were caused by military aggression. It is argued that the dynamics of demographic processes in the post-war Ulyanovsk region was determined not only by direct military consequences, but also by general civilizational trends. It is pointed out, in particular, that the changes in the social space caused by modernization transformed the scale of values of a Soviet man, changed his attitude, worldview, family traditions. It is shown that the demographic transition, which ended in the USSR, was marked not only by an increase in life expectancy, but also by a decrease in the birth rate, which did not fully compensate for the demographic losses of the Soviet people. The author believes that an objective analysis of demographic processes in the post-war Ulyanovsk region is possible only in the framework of an integrated approach, namely, using the theoretical attitudes of supporters and opponents of the theory of "demographic transition." It is noted that in this historical period the demographic processes depended on the state social policy.

Key words: demography; demographic consequences of the Great Patriotic war; birth rate; mortality; Soviet modernization; demographic transition; social values; state social policy and demography.

1 The study is made within framework of the grant of RFBR and Government of Ulyanovsk Region. Grant № 18-49-730008 p_a.

Material resources

GAUO — *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti*. F. R. 2595. Op. 2. D. 3374, 3341, 3392, 3395. (In Russ.).

Materialy intervyu s zhitelnitsey s. Popovka Cherdaklinskogo rayona Ulyanovskoy oblasti R. Kh. Khasyanovoy. 14.13.2013 g. In: *Lichnyy arkhiv avtora*. (In Russ.).

References

Aralovets, N. A. (2009). *Gorodskaya semya v Rossii, 1927—1959 gg.* Tula: Grif i K. (In Russ.).

Baranov, E. Yu. (2017). Demograficheskiy potentsial Rossii v XX veke: problemy sovremennoy istoriografii. In: *Demograficheskiy potentsial stran EAES: VIII Uralskiy demograficheskiy forum, I.* Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN. 57—63. (In Russ.).

Damye, V. V. (2013). *Stalnoy vek: Sotsialnaya istoriya sovetskogo obshchestva.* Moskva: Librikom. (In Russ.).

Fitspatrik, Sh. (2001). *Stalinskiye krestyyane. Sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Isupov, V. A. (2000). *Demograficheskiye katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka: Istoriko-demograficheskiye ocherki*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (In Russ.).

Ivanova, E. I. (2002). Transformatsiya brachnosti v Rossii v XX veke: osnovnyye etapy. In: *Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii. Materialy nauchnoy konferentsii.* Moskva. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html. (In Russ.).

Khasyanov, O. R. (2018). *Povsednevnaya zhizn' sovetskogo krestyyanstva perioda pozdnego stalinizma: na materialakh Kuybyshevskoy i Ulyyanovskoy oblastey*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Kozlova, N. N. (2005). *Sovetskiye lyudi. Stseny iz zhizni.* Moskva: Yevropa. (In Russ.).

Repinetskiy, A. I. (2005). Demograficheskaya situatsiya v Rossii v gody Velikoy otechestvennoy voyny. 1941—1945 gg. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, 2 (7):* 279—288. (In Russ.).

Sadvokasova, E. A. (1969). *Sotsialno-gigiyenicheskiye aspekty regulirovaniya razmerov semyi*. Moskva: Meditsina. (In Russ.).

Sakevich, V. I. (2005). Chto bylo posle zapreta aborta v 1936 godu. *Demoskop, 221—222.* Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/print.php. (In Russ.).

Simchera, V. M. (2006). *Razvitiye ekonomiki Rossii za 100 let: 1900—2000. Istoricheskiye ryady, vekovyye trendy, institutsionalnyye tsikly*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Verbitskay, O. M. (2009). *Rossiyskaya selskaya semya v 1897—1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt).* Moskva; Tula: Grif i K. (In Russ.).

Verbitskay, O. M. (2010). Osnovnyye zakonomernosti razvitiya selskoy semyi v Rossii v XX veke. In: *Trudy instituta Rossiyskoy istorii RAN, 9:* 332—353. (In Russ.).

Vishnevskiy, A. G. (ed.) (2006). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900—2000*. Moskva: Novoye izdatelstvo. (In Russ.).

Vishnevskiy, A. G. (2016). Demograficheskiye posledstviya Velikoy Otechestvennoy voyny. *Demograficheskoye obozreniye, 3 (2):* 3—42. (In Russ.).

Zakharov, S. V. (2002). Rozhdayemost' v Rossii: pervyy i vtoroy demograficheskiy perekhod. In: *Demograficheskaya modernizatsiya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii. Materialy nauchnoy konferentsii.* Moskva. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html. (In Russ.).

Zhiromskaya, V. B. (2012). *Osnovnyye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke.* Moskva: Kuchkovo pole; Soyuz semey voyennosluzhashchikh Rossii. (In Russ.).